

Управление образования
Администрации города Новочеркасска
муниципальное бюджетное образовательное учреждение
дополнительного образования детей
детско-юношеская спортивная школа № 3

Методическая разработка Система воспитания казака (XVIII-XIX в.в.) (для классных руководителей, педагогов дополнительного образования, воспитателей и родителей)

Автор-составитель
М.И. Салимова,
инструктор-методист
МБОУ ДОД ДЮСШ № 3

г. Новочеркасск,
2015

Казачьи семьи были многочисленны. Средняя численность детей-казачат в конце XIX — начале XX веков составляла девять-одиннадцать человек. История не оставила нам написанных правил и форм семейного и общинного воспитания казаков. У казаков не имелось и четко написанных рекомендаций в воспитании подрастающего поколения. Основой жизни казачества была охрана рубежей российского государства. Нелегкий военнo-земельный уклад жизни требовал от казаков быть всегда в постоянной, боевой готовности, хорошей физической форме, выносливыми, мужественными, нести одновременно тяготы военной и хозяйственной деятельности.

Рождение ребенка всегда радостное событие для родителей и родных. С особой радостью встречали в казачьей семье рождение мальчика. Родился мальчик — прибыток, семья получает земельный надел, а девочка — убыток, разорительница. Ребенка клали на отцовскую рубаху на порог дома, и отец в присутствии членов рода или брал ребенка, как признание отцовства, или перешагивал — отрицал.

О выборе крёстных кровные родители заботились заранее. Крёстного подбирали отец — это должен быть человек надёжный, у которого было чему поучиться. Это он в первую очередь формировал дух казака. Немаловажный фактор было и то, что и крёстный отец и крёстная мать должны быть способны участвовать в воспитании ребёнка — жить недалеко от крестника.

Крёстную подыскивала кровная мать из числа своих подруг, желательно, хотя бы немного старше её возраста.

Если в семье родился казак, то основная нагрузка ложилась на крёстного — он делал из казака воина. Главная же задача крёстной матери в этом случае состояла в том, чтобы сформировать в казаке отношение к девушке-казачке, как к жене, матери и хозяйке.

Если же родилась казачка, то основную роль выполняла крёстная. Она формировала из девочки женщину-казачку, как умеющую ждать жену, терпеливую мать и добрую хозяйку. Крёстный в данном случае формировал в казачке отношение к казаку, как к воину-защитнику, как к мужу, отцу и главе семьи.

После рождения. Ребёнка особо не торопились распеленовывать. По-быстрее научить его двигать ручками и ножками — была не самоцель. Ребёнок должен сначала увидеть и осознать неизвестный ему предмет, а уж потом потрогать, «взять на зубок».

В дальнейшем процесс «увидел-осознал-сделал» ускорялся. Именно так поступает казак в критической ситуации. И нет паники и ненужных движений, потому что сначала оценил, а потом сделал.

После крестин казачку клали шашку, кинжал или пулю (раньше стрелу), что называется «на зубок». И наблюдали за его реакцией: если начнёт с ней играть — добрый будет казак, если же расплчется — есть над чем задуматься.

Когда у младенца прорезывался первый зуб, отец и мать возили его в церковь служить молебен Иоанну Воину, чтобы из сына вырос доблестный и храбрый казак. Крестный сажал мальчика на коня на шелковый платок и

провозил вокруг церкви 3 раза. Если ухватился за гриву — быть казаком, расплается — не быть казаку, а упадет — быть убитому в бою. Эту весть крестный держал втайне.

Вообще, подобные «гадания» проводились на протяжении всего времени обучения-воспитания казака. Сейчас это называли бы «тестами». Поэтому у казаков было принято так: сначала казачонка ставили в определённые условия, далее, смотрели на его реакцию, выявляли недостатки и достоинства, и уже потом начинали его корректировать и вырабатывать необходимые навыки и качества.

А таких «тестов-гаданий» было очень много. Были общепринятые, и были родовые. В каждом роду свои.

Мальчика стригли первый раз, когда ему исполнялся год. Этот обряд описан в древнерусских летописях как великокняже-

ский, и неизвестно, пришел ли он на Русь из степи, или в степь от Руси. А может, он был общим для всех дружинников: и степняков, и славян, и варягов. Но у казаков он сохранился до наших дней. Годовалого казачонка на женской половине дома усаживали на кошму, и крестная срезала его первые прядки волос, которые потом на протяжении всей жизни сохранялись за именной иконой. Подстриженного мальчонку женщины передавали мужчинам, и те несли его к церкви.

Потом отец брал его на руки, а крестный надевал на них обоих портупею так, чтобы издали казалось: идет по улице казак при шашке. У ворот родного куреня казаков встречала женщины. "Казака принимайтесь! Да за ним доглядите! Чтоб был не квёлый, до всякой работы скорый, чтоб Богу молился да сабле учился! Чтоб малых не забижал, старших уважал, а к родителям был почтительней..." Крестная снимала с отца и сына шашку со словами: "Возьми, крестный, шашку, нашему казаку еще расти нужно. Сохраняй ее до срока". Крестный принимал оружие, хранил его и вручал крестнику в семнадцать лет, после того, как малолетку приписывали к полку.

И ещё один обряд совершался в год от рождения. Собирались все мужчины рода и вели ребенка на священное место своей станицы — «урочище». Там совершались действия, позволяющие передать на духовном уровне силу и знания рода новому поколению.

Посвящение в казаки происходило в 3–4 года. Собиралась вся родня. Проводился обряд пострижения. Затем отец сажал сына на коня и даже давал в руки шашку. И проводил коня по двору кругом или по улице. Затем верхом везли казачонка в церковь, где служили молебен.

Обучение начиналось после "праздника первых штанов". Штаны, как правило, дарил старший в роду. Это должны были быть обязательно шаровары. Без этого изобретения скифов обучение верховой езде было невозможно. Мальчика все поздравляли с первыми штанами, и казачонок ими очень гордился. Наступал этот праздник в зависимости от общего развития мальчика, но, как правило, с трех-пяти лет казачонок уже приучали к верховой езде. Обучение было тяжелым и постоянным.

С этого времени казачонок мог сам ездить верхом, а пятилетние вовсю скакали по улице.

Детям с рождения постоянно внушались идеалы строгой доброты и послушания, совестливости, справедливости, прилежания к труду. Воспитание трудолюбия, честной воинской службы, порядочности.

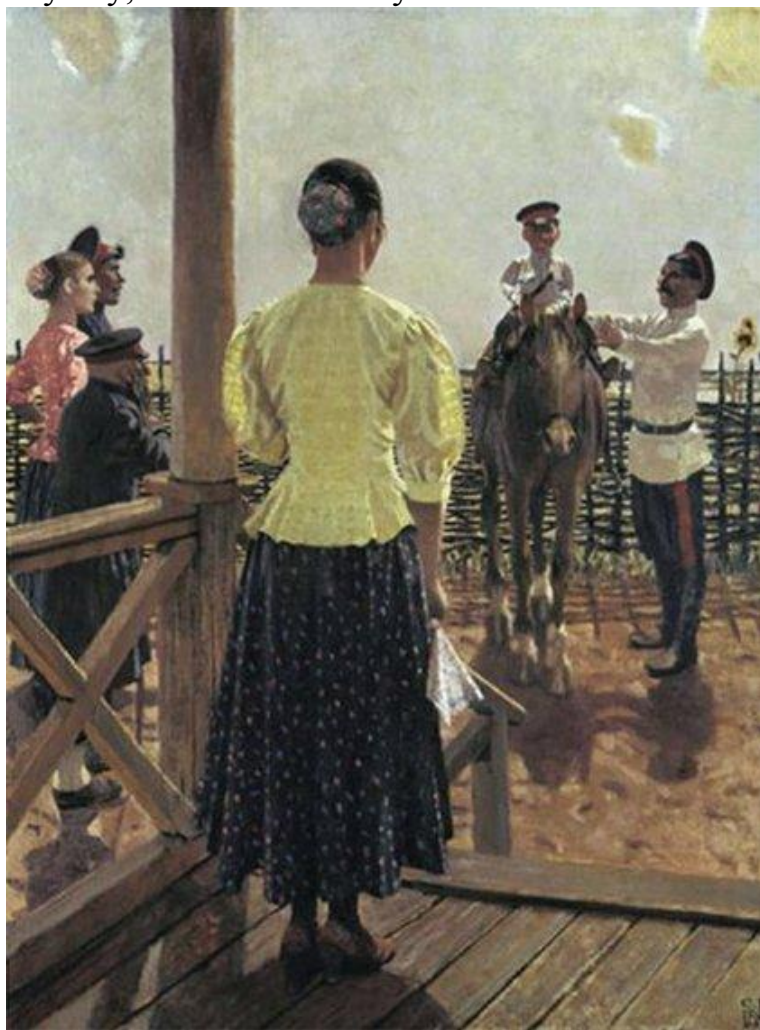
С малых лет родители приучали детей рано вставать, самим одеваться, убирать постель, помогать по хозяйству, пришить пуговицу, поставить заплатку на одежде, забить молотком гвоздь в доску забора, спутать и зануздать лошадь. В труде вырабатывались сноровка, сообразительность, крепость мышц.

Мальчика воспитывали гораздо строже, чем девочку, и жизнь его с очень раннего возраста была заполнена трудом и обучением. С пяти лет мальчишки работали с родителями в поле: погоняли волов на пахоте, пасли овец и другой скот. Но время для игры оставалось. И крестный, и атаман, и старики следили, чтоб мальчонку "не заездили", чтобы играть позволяли. Но сами игры были такими, что в них казак обучался либо работе, либо воинскому искусству. Игры были устоявшиеся веками, и естественно направленные на развитие казачат. Практически все они проходили под присмотром станичных, хуторских стариков, которые строго следили за поведением каждого из казачат. И в том случае, если кто-то вёл себя недостойно, старики вдохновенно наставляли и поправляли нерадивого.

Одной из самых любимых была древнейшая игра пастухов - дзига, или кубарь, в которую играли с утра до вечера. Специально изготовленную игрушку, похожую и на шпульку от ниток, и на волчок, подхлестывали кнутами. Условия были самыми разными: стараясь не уронить, гоняли дзигу по маршруту, гоняли наперегонки... Особые мастера ухитрялись выделывать потрясающие номера с кубарем, подбрасывая его в воздухе или попадая им в цель за много метров. Бывали командные соревнования, бывали бои, когда сшибали дзиги противников... Несмотря на то, что взрослые считали "гонять кубарь" пустым занятием, именно оно развивало глазомер, реакцию, ловкость, выносливость, да и просто обучало пастушьему владению кнутом и боевому умению обращаться с нагайкой.

Сыновьям казачьих офицеров времени на детские игры отпускалось меньше, чем сыновьям простых казаков. Как правило, с пяти-семилетнего

возраста отцы забирали их в сменные сотни, полки и увозили с собой на службу, часто и на войну.

До 7–8 лет казачек жил на женской половине дома — куреня. В этот момент воспитание шло и от женской части семьи и от мужской. В основе ее лежала наглядность, личный пример старших. На стене в курене шашка отцовская или дедовская. Нагайки у двери и в руках казаков. Лампасы, папахи, фуражки на близких ребенку людях. Кресты и медали на груди деда, отца, дядьки или крёстного. И, естественно, вопросы: что это и зачем это. И ответы старших на них: лампас — это символ казака, шашка это наше казачье оружие и символ казачьей воли, конь — это друг и товарищ казака, кресты и медали — это отличие за участие и подвиги

в военных компаниях. А ещё сказки, песни пословицы и поговорки из уст старших. Станичные праздники, где казаки и казачки поют, пляшут — кто лучше. Состязания в кулачных боях, в стрельбе, в скачках и джигитовке, в фехтовании. Всё это происходит перед глазами мальчика-казака. Всё это формирует в нём причастность именно к этой группе людей. К СВОИМ.

В этот период мужчины следили за тем, как формируется будущий казак. Женщинам всё меньше позволяли сюсюкаться с ним: «Не портьте, бабы, казака!»

И тогда в ребенке постепенно складывалось убеждение, что то, о чём поют и что говорят старшие, то они и делают, такие же поступки и совершают. И это всё настоящее. И так же будет поступать он сам.

Первые шаги в обучении и воспитании делались в семье. Вся система, если её можно так назвать, строилась именно на родовых и товарищеских принципах существования.

Как только ребенок начинал понимать, ему старшие давали почувствовать привлекательность добра и прививали отвращение к злу. Духовно-нравственное воспитание на основах православной церкви становилось обязательным фактором. Приобщение к религии и осмысление веры в казачьих семьях начиналось с раннего возраста. Дети в 5–6 лет обязаны были перед сном вместе с дедушкой, бабушкой, отцом, матерью, стоя на коленях перед иконами читать молитвы с обращением к Богу. Все это делалось постоянно, в результате чего у детей в казачьих семьях с малолетства вырабатывалась вера в Божьи законы, восприятие жизненных проблем страх позора. Одновременно с этим детей учили отличать истинную правду от ложной, героическое от трусости, свободу от рабства. Казаки с ранней поры приучались к семейной жизни, уважению старших по возрасту. «Почет к старшим и в особенности испытанным в боях воинам был обязанностью для молодого поколения. Молодежь не имела права садиться в присутствии стариков». Добрые семена воспитания уважения к старшим становились обязательным обрядом. Нарушений почтения и уважения к старикам-казакам в станицах не наблюдалось.

Весь процесс развития казака строился по спирали. Каждый виток в ней – это замкнутый цикл, и занимал он определённый возрастной период. Следующий круг начинался с того же, но на новом качественном уровне.

Каждый из этих уровней включал в себя физическое, интеллектуальное и нравственное (духовное) развитие.

В зависимости от возраста одна из этих категорий была главенствующей, а остальные, как бы сопутствующие.

Видимо существует определённый образ Казака, идеального Казака, на основе которого сложилась вся казачья культура бытия, ну и конечно воспитания.

У запорожских-черноморских казаков это похоже Казак Мамай. У донских казаков имени либо вовсе не было, либо оно не сохранилось. Но образ существует.

Если попробовать интуитивно сравнить образы Первого Запорожца и Первого Донца, то большой разницы мы не увидим. Отличия прослеживаются лишь в том, что у Запорожца большая тяга к Воли (свободе) и больше в нём печали. (Печаль понятна – разгон Сечи, многие переселения с родной земли...). Да, ещё одно отличие есть. У Запорожца большая тяга к товарищескому способу проживания. У Донца – к семейно-родовому.

В 7 лет казачка переселяли в мужскую половину куреня. Бритоголовым он впервые с мужчинами шел в баню, затем к исповеди. А дома в последний раз ел детские сладости. После этого переходил на мужскую половину, в комнату старших братьев. Они осматривали его одеяло и подушку и выбрасывали их, если оно оказывались слишком теплыми и мягкими. «Учись служить» — говорили ему, — «ты теперь не дите, а пол-казака». С этого времени начиналась подготовка ребенка к суровой мужской жизни. И еще: наступало время запрета ругать его женщинам. А когда старшие уезжали из дома, он оставался за хозяина. "Смотри, - говорил отец, - на тебе дом и женщины. Доглядай хозяйство". И если поначалу это могло восприниматься не совсем серьезно, то в десять лет казачонок уже полностью понимал меру ответственности и действительно был опорой дома и семьи.

С 7 лет главная роль принадлежала крёстному. Именно он по большому счёту обучал ребенка казачьей науке. Но кровный отец был как бы руководителем этого процесса. Крёстный и кровный отцы как бы дополняли друг друга. Родной отец мог быть излишне мягок в отношении своего сына. Крёстный же мог быть излишне суров. Поэтому родной отец останавливал крёстного, когда дело могло принять опасный оборот, а крёстный не давал отцу жалеть сына.

С семи лет начинали учить стрелять, рубить шашкой с десяти. Сначала спускали тонкой струйкой воду и «ставили руку», чтобы клинок под правильным углом резал воду, не оставляя брызг. Потом учили «рубить лозу», сидя на коновязи, на бревне, и только потом на боевом коне, по-боевому, построеному осёдланном. В это же время учили рукопашному бою. Передавая особые, в каждом роду хранящиеся приёмы.

Физическое развитие было основным в возрасте от 8 лет (в некоторых семьях от 7 лет) и до 12 лет. (Современным детям наверное стоит парутройку лет накинуть. Сравните: 200 лет назад казак начинал боевые походы с 16 лет, а сейчас юноши-мужчины и к 20 годам не все готовы к испытаниям).

С 12 лет казачонок начинали водить на круг — сход казаков и другие общественно значимые мероприятия. Его основная задача — смотреть и запоминать. Казачата стояли друг от друга порознь, чтобы не разговаривали между собою, и после круга их расспрашивали: что они запомнили, о чем

шла речь, кто и что говорил, кто кому возражал, какое было принято решение... Так народ сохранял свою историю.

Бывали старики, которые с поразительной точностью рассказывали о событиях вековой давности, и на вопрос, откуда ему это известно, старик отвечал коротко и просто: "Я там был!".

Мальчишки обязательно присутствовали при разведении межевых границ. Причем, после того, как мальчонка с закрытыми глазами повторял все приметы и знаки границы, его могли неожиданно ударить рукой и нагайкой. Объяснение было примерно следующим: "Мол, прости, сынушка, это тебе не в укор и не в наказание... Рана заживчива, а память забывчива. И ты с годами все позабудешь, а вот как тебя ударили ни за что ни про что, век помнить станешь, а с тем и все границы станичного юрта".

Вообще, нагайка предмет очень символический для казаков и очень древний. С ней связана и легенда о Егории Храбром, и ещё более древние легенды о змееборцах. Кстати, казаки раньше никогда не выясняли отношения между собой кулаками. Говорят, боялись поубивать друг друга. А вот нагайками частенько охаживали друг друга в пылу спора.

Основным моментом в воспитании казака в данный период являлось следующее: научить его справляться с собственным страхом в любых его проявлениях. И, наблюдая реакцию казачонка, старшие говорили: «Не бойся, казак ничего не боится!», «Терпи, казак, атаманом будешь!»

Но самой главной задачей казачонка всегда была учеба. Особым уважением пользовались школяры. Ими гордились в семьях, они вели себя на улице солидно и достойно. Те, кому посчастливилось учиться в кадетском казачьем корпусе или в гимназии, были известны поименно всем жителям станицы или хутора. Их приглашал в правление и поздравлял с каникулами атаман. Студентов и юнкеров даже старики звали по имени-отчеству...

Казачат учили правильно оценивать жизненную ситуацию. Казаки знали, что в каждом явлении, событии, происшествии заложены конфликты, поэтому молодое поколение обязано действовать так, чтобы во всем были лад и порядок. Конфликты могут быть не только семейными, но и при столкновении противоположных взглядов, стремлений, спорах, серьезных разногласиях. Такое положение дел учитывалось старшим поколением, и при воспитании казачат отмечалось, что все это зло и его следует избегать. С этой целью приводилось множество примеров из их семейного рода и тех предков, которые пользовались уважением всего станичного общества, учили быть похожими на них.

В это же время учили жить своим умом и сочувствовать близким. Детям внушали, что себялюбие может привести к отрицательным жизненным ситуациям. Особенно зорко следили в каждом казачьем роду, чтобы ребенок не был заражен завистью.

В 12 лет процесс физического обучения в основном завершался. Именно обучения, но не развития. С 12 лет казачонка приучали к боевому оружию – шашке (кинжалу).

Существовал Спас (казачья система выживания).

Казак – народ родовой с твёрдыми правилами поведения, как в семье, так и в обществе.

Начало вхождения ребёнка-казака в Спас начиналось с его крещения. По мере взросления задачи Спаса усложнялись, но основным направлением воспитания молодого казака или казачки было не физическим, а духовным. Только через понятие духовности молодые казаки снова и снова возвращались к физическому развитию. Без молитвы и понятий Бога жизнь казаков как раньше, так и сейчас не ставилась.

В самом Спасе приёмов как таковых нет, нет и весовых категорий.

Пословица – «Казак не тот, кто победил, а тот, кто вывернулся – спасся!»

Именно Спасся!.. То есть «Спас».

В Спасе, когда человек уже готов к первому уровню есть только два принципиальных действия соединяющиеся в одно:

- 1) очень быстрое мышление на принятие единственно-правильного решения;
- 2) очень быстрое действие на выполнение единственно-правильного решения, для противника порой даже не заметного.

При достижении второго и третьего уровней Спаса у молодого казака развивают интуицию. Это шестое чувство воина есть практически самое главное. Оно помогает казаку-человеку как в мирской битве, так и в духовной. Он всегда отличает подлеца от честного человека. Настоящая схватка всегда скоротечна, но подготовка к ней долгая. Подготовленный человек выигрывает её ещё до схватки!..

Первое, что необходимо в воспитании неказачьего молодого поколения, это воспитание умения управления собственным страхом. Человек изжить страх не может, так как он необходим для сохранения его жизни. Но управлять страхом можно.

При этом отсутствует какая-либо психомобилизация.

Основной критерий человека, занимающегося Спасом, это нравственность. Вначале это не ощущается, но с увеличением скорости мышления данный критерий не просто ощущается, он начинает присутствовать сначала на каждой тренировке, а затем и в самой жизни человека. Человек начинает понимать, что он ведомое существо в данной системе мироздания. Что без диалога с Богом в другие уровни Спаса он не сможет войти, если его моральный образ низок. Тот, кто пытается применить тут хитрость быстро убеждается в этих предупреждениях. Эти люди начинают приобретать сначала небольшие, а затем всё серьёзнее травмы. Вплоть до разрыва мышц.

Одни, поняв происходящее, начинают другую жизнь, где Спас становится одним из показателей правильности поведения. Другие же просто прекращают заниматься Спасом. Им становится понятно – на чьей они стороне.

В 16 лет по готовности казака его ждало более серьёзное испытание – в основном это была охота на хищника (волка, кабана и пр.).

С конца XIX века среди казаков получила распространение практика проведения лагерных сборов, на которых казак должен был являться на своей лошади, вооруженный с шашкой и пикой. Сборы проводились по специально

разработанной учебной программе. На заключительной их стадии атаман отдела проверял подготовку казаков к предстоящей службе. По окончании учебы командование военного округа устраивало инспекторские проверки в виде войсковых учений. Только после этого молодой казак, приняв присягу, мог оказаться на действительной службе.

По достижению призывного возраста, молодых казаков зачисляли в подготовительный разряд. Теперь главным занятием для них являлась подготовка к службе в строевых частях. Казаки подготовительного разряда за три года до выхода на службу изучали уставы, наставления, оружие и его боевое применение, проходили курс ведения боя в пешем порядке и конном строю, учились преодолевать сложные препятствия, овладевали приемами джигитовки и рубки лозы. Немало времени отводилось на обучение лошадей, на которых казакам предстояло служить. Полученные знания закреплялись на сборах в военно-полевых лагерях. Для этой цели от регулярных частей армии откомандировывались наиболее подготовленные офицеры, способные на высоком профессиональном уровне проводить занятия. Учебная программа сборов была максимально приближена к тому, чему обучали в действующей армии. Как правило, в конце сборов проводилось полковое учение, и объявлялся строевой смотр. Приобретенные умения и навыки оценивала специальная комиссия, состоящая из представителей командования казачьих войск и стариков станиц, откуда были родом призывники. После окончания лагерных сборов происходила жеребьевка, определялось, кому из казаков предстояло идти на службу в первоочередные полки.

Таким образом, по достижению 21 года казак являлся на службу «конно, при оружии», обладая уже необходимыми моральными и боевыми качествами, полученными в процессе становления казака воина. Получался «матёрый казачина». Правда есть одно уточнение: «матёрый» казак появлялся в третьем поколении. Естественно, если первое и второе поколения были тща-

тельно подготовлены и выжили в битвах и сражениях.

А что мог из себя представлять такой казак, лучше описать художественно:

«...Из леса вышли в рассыпную австрийцы. Человек тридцать. Винтовки на перевес. Офицер с обнажённым палашом верхом на коне. На поляне по

<http://www.liveinternet.ru/users/alexcourageous/>

колени трава, начинающая желтеть от знойного августовского солнца. Австрийцы отошли от опушки леса шагов на пятьдесят.

Вдруг произошло непонятное. Из под коня вылетело что-то необычное чёрно-зелёного оттенка, вышибло офицера из седла, провернулось волчком над упавшим, поблёскивая то ли клыками, то ли зубами, и врезалось в гущу оцепеневших солдат. Разобрать что это было невозможно, потому что это нечто всё время двигалось и вертелось вьюном в невообразимых плоскостях.

Находящиеся с краю австрийцы начали приходить в себя и изготавли- ваться для стрельбы, забыв, что это не спасёт их товарищей, так как вертяща- яся масса была в самом центре подразделения, оставляя за собой перелом- ленные и окровавленные тела австрийских солдат.

Но вдруг с левого фланга метнулся ещё один неясный силуэт. Он про- нёсся перед изготовившимися к стрельбе настолько быстро, что никто не смог уловить его очертания. Да и вообще не смог больше ничего увидеть в этой жизни, потому что силуэт двигался грохоча и огрызаясь огнём.

Больше всех повезло четверым солдатам. Они, толкаемые своим стра- хом вовремя уронили свои винтовки, и теперь наблюдали страшную картину: в центре лежали вповалку, как после смерча полтора десятка человек со страшными колото-резанными ранами; ещё человек семь бездыханно лежали со стороны леса с огнестрельными ранами; а по бокам уцелевшей четвёрки застыли двое – причина всего произошедшего. Одеты оба были в низкие чёр- ные бараньи шапки с защитным верхом, в гимнастёрки и шаровары того же цвета и невиданные солдатами ранее сапоги с шерстяной ступнёй и голени- щем из тонкой кожи. В руках у одного было два длинных кинжала, у другого – два револьвера.

А лица этих неизвестных... Глаза – у обоих на выкате – не выражали ни злости, ни ненависти. Солдаты прочитали в них только одно – это пришла смерть, ведомая самим Всевышним.

После всего этого послушнее военнопленных, чем эти четверо не смог бы, наверное, никто найти на всём русско-германском фронте...»

Конечно, такое воспитание было не во всех казачьих семьях, и я так подозреваю к 1914 году оставались очень немногие семьи где всё это жило. Но, чем древнее был род, тем тщательнее и обширнее было воспитание. И сами казаки не всегда вдавались в суть этого процесса – как их самих учили, так и они учат. Предки завещали!

Пришло время по крупицам восстанавливать нашу казачью культуру. И первым делом необходимо восстановить культуру воспитания казачат. Пото- му как они – будущее казачества. И что мы в них зложим, то и получится потом.

Как говорил один старик-казак: **«Кзаков много не бывает, но мало не покажется!»**